

Литрес ≡ Классика

Герберт Уэллс

ВОЙНА МИРОВ

Герберт Джордж Уэллс

Война миров

«ЛитРес»

1897

Уэллс Г.

Война миров / Г. Уэллс — «ЛитРес», 1897

На исходе XIX века Земля оказывается под угрозой вторжения с Марса. Из упавших цилиндров появляются разумные существа, вооружённые тепловыми лучами и гигантскими боевыми треножниками, против которых человеческая техника бессильна. Повествование ведётся от лица обычного человека, который на себе испытывает ужас крушения привычной цивилизации и отчаянную борьбу за выживание.

© Уэллс Г., 1897

© ЛитРес, 1897

Содержание

Часть I	6
I	6
II	11
III	14
IV	16
V	18
VI	21
VII	23
VIII	26
IX	28
X	32
XI	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Герберт Уэллс Война миров

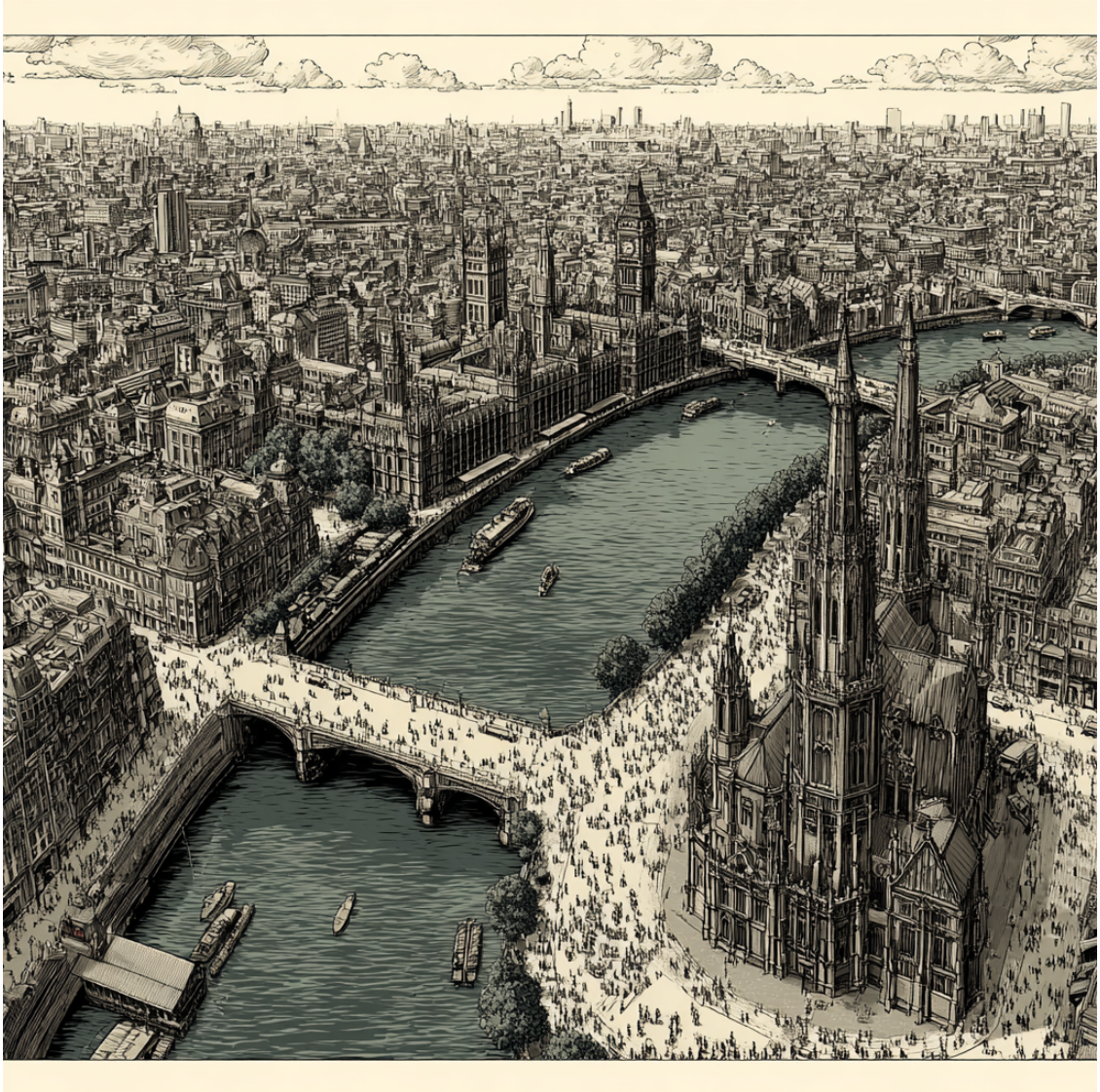
пер. Эмилия Кирилловна Пименова

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Часть I Появление марсиан

I Канун войны

Никто не поверил бы, даже в последние годы девятнадцатого столетия, что за человеческой жизнью на земле зорко и тщательно наблюдали разумные существа, такие же смертные, как человек, но стоящие на более высокой ступени развития, и что в то время, когда люди занимались своими повседневными делами, за ними следили и изучали их так же подробно, как человек изучает в микроскопе кратковременную жизнь существ, живущих и размножающихся в капле воды. С безграничным самодовольством сновали люди взад и вперед по земному шару, занимаясь своими маленькими делами, в счастливой уверенности в своем господстве над материей. Возможно, что и инфузории, видимые в микроскоп, ведут такое же суетливое существование.

Никому не приходило в голову, что человечеству может грозить опасность со стороны старых миров, и даже самое предположение о возможности жизни на них отвергалось, как нечто неправдоподобное. Любопытно припомнить теперь некоторое из ходячих мнений минувших уже дней.

Обитатели Земли допускали, что на Марсе могли жить живые существа, низшие по своему развитию, которые с радостью приветствовали бы нашу попытку исследовать их планету. А между тем по ту сторону зияющего мирового пространства за нами наблюдали умы, превосходящие нас так же, как ум человека превосходит ум животного, и завистливыми, враждебными глазами смотрели на нашу Землю. Они обдуманно и с верным расчетом ковали планы против нас, и вот в начале двадцатого века настал для людей момент великого разочарования.

Мне едва ли нужно напоминать читателю, что планета Марс вращается вокруг Солнца на расстоянии приблизительно 140 000 000 миль и получает от него лишь половину того количества тепла и света, какое получает Земля. Если гипотеза туманного образования имеет хоть какое-нибудь основание, то Марс должен быть старше нашей Земли, и задолго до того, как застыла земная кора, на поверхности Марса уже началась жизнь. Тот факт, что он едва достигает объема земли, должен был ускорить его охлаждение до той температуры, при которой могла возникнуть жизнь. Не нужно также забывать, что Марс обладает водой и воздухом и всем необходимым для поддержания животного организма.

Но так велико тщеславие человека и так он им ослеплен, что до конца девятнадцатого столетия ни один из писателей не подошел даже близко к мысли о возможности развития умственной жизни на Марсе, а тем более, что оно могло обогнать развитие ее на Земле. Однако из фактов, что Марс старше нашей Земли, что поверхность его равняется только четвертой части ее поверхности и он более удален от Солнца, не было все-таки сделано естественного заключения, что он не только больше отдален от начала жизни, но и ближе к ее концу.

Вековой процесс охлаждения, предстоящий когда-нибудь и нашей планете, зашел уже довольно далеко на Марсе. И хотя его физические свойства представляют в целом еще тайну, но нам известно теперь, что даже в его экваториальных областях средняя температура еле-еле достигает температуры нашей самой суровой зимы. Воздух на Марсе более разрежен, чем у нас, а уровень воды в его морях настолько понизился, что они покрывают теперь едва ли более трети его поверхности, во время же длительной смены времени года на его полюсах образуются огромные залежи снега, которые, при таянии, периодически затопляют его умеренные пояса.

Эта последняя стадия умирания, еще невероятно отдаленная от нас, стала для обитателей Марса злободневным вопросом. Гнет близкой опасности изощрил их умы, увеличил их силы и ожесточил их сердца. И вот, обозревая мировое пространство, вооруженные умом и такими инструментами, о которых мы еще и не мечтали, они увидели в ближайшем от них расстоянии, всего в 35000000 миль по направлению к Солнцу, зарю надежды – нашу, более теплую, планету, покрытую растительностью, с синееющей массой воды, окруженную облачной атмосферой, что свидетельствовало о плодородии ее почвы. Сквозь просветы между бегущими облаками они увидели широкие пространства населенных стран и узкие полосы усеянных судами морей.

Мы же, люди, населяющие эту планету, не казались ли им такими же чуждыми и низшими существами, какими нам кажутся обезьяны и лемуры? Ум человеческий допускает, что жизнь есть непрерывная борьба за существование. Повидимому, это мнение разделялось и обитателями Марса. Охлаждение их планеты значительно подвинулось вперед. На Земле же еще кипела жизнь, но населена она была существами низшего порядка. И единственным способом для марсиан избавиться от гибели, – которая из поколения в поколение все ближе подвигалась к ним, – было переселиться ближе к Солнцу, то есть завоевать Землю.

Прежде, чем осудить их слишком строго за это, мы должны припомнить, как безжалостно и жестоко наша собственная раса уничтожала не только животных, как, например, исчезнувших бизонов и додо, но и низшие человеческие расы.

Тасманийцы, несмотря на свой человеческий облик, были стерты с лица земли европейскими переселенцами в течение лишь пятидесяти лет. Такие ли мы апостолы милосердия, чтобы иметь право роптать на то, что марсиане задумали вести такую же войну и против нас?

Свое нападение на нашу планету марсиане рассчитали с поразительной точностью – их математические познания, повидимому, далеко превосходят наши! – и с полным единодушием довели свои приготовления до конца. Обладай мы более совершенными инструментами, мы бы уже в начале девятнадцатого столетия заметили надвигающуюся на нас опасность. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали красную планету, – кстати сказать, как это ни странно, Марс испокон веков считался звездой войны, – но они были не в состоянии объяснить происхождение дрожащих световых точек, которые они с такой точностью наносили на карты. В течение всего этого времени марсиане готовились к войне.

Во время противостояния в 1894 году был замечен яркий свет на освещенной стороне диска Марса, сначала Ликской обсерваторией, потом Перретином в Ницце, а позднее также и другими наблюдателями. Англичане прочли об этом впервые в одном из номеров «Nature» 2 августа. Я придерживаюсь того мнения, что появление этого яркого света объясняется взрывом пушки, помещенной в одной из глубоких скважин их планеты, откуда они потом и стреляли в нас. Странные, еще до сих пор не получившие объяснений, пятна были замечены вблизи этого взрыва во время двух следующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет тому назад. Когда Марс стал приближаться к противостоянию, Лавелль на Яве привел в движение все телеграфные проволоки астрономических соединительных станций, чтобы сообщить о невероятном взрыве раскаленных газов на Марсе. Это произошло 12 августа, около полуночи. Спектроскоп, к которому он тотчас же обратился, показал массу горящего газа, преимущественно водорода, который с невероятной быстротой несся с Марса к Земле. Около четверти первого этот огненный поток стал невидим. Лавелль сравнил этот чудовищный огненный столб, внезапно вырвавшийся из недр планеты, с вырывающимся из пушки при выстреле горящим газом.

Это сравнение оказалось удивительно точным. На следующий день в газетах не было больше никаких сообщений об этом удивительном явлении, исключая маленькой заметки в «Daily Telegraph». Мир пребывал в неведении относительно величайших опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Может быть, я ничего не знал бы об извержении, если бы не встретился с известным астрономом Огильви в Оттершоу. Он был ужасно взволнован явлениями на Марсе и предложил мне заняться совместно с ним ночью наблюдениями над красной планетой.

Несмотря на все пережитое мною с тех пор, я ясно помню все мельчайшие подробности этого ночного бдения: темное, безмолвное здание обсерватории, затененный фонарь, отбрасывающий слабый свет на пол в углу, непрерывное тиканье часового механизма в телескопе и узкую щель в потолке в виде продолговатого углубления, через которое видно было небо с рассыпанными на нем звездами. Огильви ходил взад и вперед по комнате, невидимый мне, но слышимый. Когда я посмотрел в телескоп, то увидел темно-синий кружок неба и маленькую, круглую планету на нем. Она казалась такой ничтожной и спокойной, и на ней слабо обозначались поперечные полосы. Чуть-чуть сплюснутая с двух сторон, она отступала от идеально круглой формы. Это была какая-то чуть заметная крапинка света! Она как будто дрожала слегка, но на самом деле это дрожал телескоп от часового механизма, удерживавшего планету в поле зрения.

Когда я смотрел на планету, мне казалось, что она то увеличивается, то уменьшается, то приближается, то удаляется, но это объяснялось просто усталостью моих глаз. Сорок миллионов миль отделяло нас от нее. Значит, более сорока миллионов миль пустоты. Мало кто может ясно представить себе безграничность пространства, в котором носятся пылинки материального мира.

Недалеко от Марса, в поле зрения, виднелись, я помню, три маленькие, светлые точки, – три телескопических звезды, бесконечно далекие, а кругом них была непроницаемая тьма пустого мирового пространства. Всем известно, какую глубокою представляется эта темнота в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. Невидимое мною, такое далекое и малое, нечто неслось, посланное нам марсианами, неуклонно и быстро пролетая невероятно огромное расстояние, приближалось ко мне с каждой минутой на многие тысячи миль. Это было то, что должно было принести на Землю столько борьбы, бедствий и смертей. Когда я тогда смотрел, я не думал об этом; да и никто на Земле не думал об этом приближающемся к ней и безошибочно направленном метательном снаряде.

В эту ночь на Марсе произошел второй взрыв газа. Я наблюдал его. Красноватая вспышка на краю диска, очертания которого были чуть заметны. Это произошло как раз в тот момент, когда хронометр пробил полночь. Я сообщил об этом Огильви, и он занял мое место у телескопа. Ночь была очень жаркая, и мне захотелось пить. Неловко вытягивая ноги, я, ощупью, в темноте направился к маленькому столику, на котором стоял сифон. Огильви, между тем, пришел в страшное волнение, увидав волны горящего газа, которые неслись к Земле.

В эту ночь второй невидимый снаряд полетел с Марса на Землю, ровно через двадцать четыре часа, без одной или двух секунд после первого. Помню, я сидел у стола, и красные и зеленые круги мелькали у меня перед глазами. У меня не было спичек, чтобы закурить папиросу, и это раздражало меня. Я совсем не думал о значении слабой вспышки, только что виденной мною, и не подозревал всего того, что она принесет мне с собой. Огильви продолжал свои наблюдения до часу, а потом мы зажгли фонарь, и направились к нему домой. Внизу, под нами, лежали Оттершоу и Чертси с их сотнями мирно спавших людей.

Всю ночь Огильви строил разные предположения о свойствах Марса и смеялся над идеей, что на нем есть живые существа, сигнализирующие нам. По его мнению на Марсе могло происходить сильное вулканическое извержение, или же это были метеориты, падающие на планету. Он обратил мое внимание на неправдоподобность предположения, что на двух соседних планетах органическая эволюция могла пойти одним и тем же путем.

– Миллион шансов против одного, что на Марсе нет человекоподобных существ, – говорил он мне.

Сотни наблюдателей видели на Марсе огонь в эту ночь и в следующую ночь около полуночи и так десять ночей кряду. Почему после десятой ночи выстрелы прекратились, никто на Земле не пытался объяснить. Возможно, что газы, образовавшиеся при выстрелах, были причиной их прекращения. Густые облака дыма или тумана, казавшиеся даже в самый сильный телескоп маленькими серыми движущимися пятнышками, заволкли ясную атмосферу Марса и скрыли от нас его очертания.

Даже газеты обратили наконец внимание на эти явления. Повсюду появились популярные статьи о вулканах на Марсе. Я помню, что юмористический журнал «Punch» сделал удачное применение этой темы в политических карикатурах. А неведомые для всех снаряды, посланные марсианами, неслись тем временем к Земле через бездну пустого пространства, приближаясь с каждым днем и часом. Теперь мне кажется почти невероятным, как могли люди заниматься своими маленькими делами под занесенным над ними мечом. Помню еще, как ликовал Маркгэм оттого, что ему удалось достать новую фотографию Марса для иллюстрированной газеты, которую он собирался издавать. Люди последнего поколения не могут даже представить себе того ажиотажа и духа предприимчивости, который царил в газетном мире в девятнадцатом столетии. О себе же скажу, что в то время я был занят упражнениями в езде на велосипеде и печатанием своих статей в различных журналах о вероятных формах развития моральных идей в период прогрессирующей цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд марсиан был в то время не более как в 10 000 000 миль расстояния от нас), я вышел с женой погулять. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки

зодиака. Я показал ей также Марс, маленькую светящуюся точку, которая подвигалась к зениту и на которую теперь было направлено столько телескопов.

Была теплая ночь. Нас обгоняли группы гуляющих из Чертси и Излеворта, с музыкой и пением. В верхних этажах домов, в окнах, виднелся свет; их обитатели ложились спать. Издали, со станции железной дороги, доносился грохот маневрирующих поездов. Смягченный расстоянием, он казался почти мелодичным. Моя жена обратила мое внимание на блеск красных, зеленых и желтых сигнальных огней, выделявшихся на темном фоне неба. Все кругом дышало таким покоем, такой безопасностью!..

II Падающая звезда

Но вот наступила ночь первой падающей звезды. Ее видели рано утром, когда она, опирав огненную линию, пронеслась высоко над Винчестером, по направлению к востоку. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. Альбин, описывая ее, говорил, что она оставила после себя зеленоватый след, светившийся в течении нескольких секунд. Деннинг, один из величайших наших авторитетов по метеорологии, определил высоту ее полета в девяносто или сто миль. Он предполагал, что она упала на Землю приблизительно миль за сто от того места, где он находился в тот момент.

В это время я был как раз дома и писал у себя в кабинете, и, хотя окна мои выходили на Оттершоу и шторы были подняты (в эти дни я любил наблюдать ночное небо), я все же ничего не заметил. А между тем этот странный предмет, – самый странный из всего, что когда-либо попадало из воздушных сфер на Землю, – должен был упасть именно тогда, когда я сидел у себя, и я бы его увидел, если бы поднял глаза, когда он пролетал. Те, кто его видел, утверждали, что его полет сопровождался свистящим звуком. Сам я этого не слышал. Многие в Беркшире, Суррее и Миддлсексе видели его падение, но подумали, наверно, что это опять упал метеорит. В эту ночь никто не потрудился пойти посмотреть на упавшую массу.

На следующий день Огильви, который видел эту падающую звезду, поднялся на заре. Он был уверен, что это был метеорит, и надеялся найти его лежащим где-нибудь на полях, между Горселлем, Оттершоу и Уокингем. И действительно, он вскоре нашел его невдалеке от песочных ям. Кругом со страшной силой был разбросан песок и мелкий гравий, которые образовали довольно большие кучи, видимые за полторы мили. К востоку от этого места горел вереск, и дым тоненькой голубой струйкой поднимался к утреннему небу.

Сам же таинственный предмет лежал глубоко в песке, среди разбросанных щепок сосны, которую он раздробил при своем падении. Та его часть, которая выступала наружу, имела вид гигантского цилиндра, сплошь покрытого толстой, чешуевидной, темно-коричневой корой, совершенно скрывававшей его очертания. Величина его в диаметре была приблизительно ярдов в тридцать. Подойдя ближе к лежащей массе, Огильви был крайне поражен ее величиной и еще больше ее формой, так как метеориты имеют обыкновенно более или менее закругленную форму.

Но подойти к метеориту близко было невозможно, так как он еще не остыл после своего полета через атмосферу и был очень горяч. Жужжащий звук внутри цилиндра Огильви приписал неравномерному охлаждению его поверхности, – тогда еще ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым внутри.

Остановившись на краю ямы, вырытой упавшим телом, он в недоумении смотрел на этот странный предмет, не зная, чем объяснить его необыкновенную форму и цвет. Мысль о чем-то преднамеренном в его появлении на Земле уже тогда промелькнула в его сознании. Утро было удивительно тихое, и солнце, показавшееся над соснами Вейбриджа, уже достаточно грело. В это утро не было слышно пения птиц, даже ветерок не шелестел листьями, и единственным звуком, нарушавшим тишину, был слабый шорох внутри горячего цилиндра. На поле не было ни души.

Вдруг Огильви заметил с испугом, что кусок серого шлака пескообразной коры, покрывавшей метеорит, отделился от его закругленной верхушки. Он отпадал хлопьями и валился на песок. Но вот отвалился внезапно огромный кусок и упал с таким резким стуком на землю, что у Огильви замерло сердце.

С минуту он стоял неподвижно, не понимая, что это значит. И, хотя жар, исходивший от метеорита, был еще очень силен, он все же спустился в яму, чтобы рассмотреть его поближе.

Но даже и тогда он продолжал думать, что это явление объясняется неравномерным охлаждением цилиндра. Такому объяснению однако противоречил тот факт, что пепел отпадал только с верхушки цилиндра.

Потом он заметил, что крышка цилиндра начала тихонько поворачиваться. Движение это было настолько медленное, что он его заметил только потому, что черная черта, которая пять минут тому назад была перед ним, находилась теперь на другой стороне крышки. Но даже и тогда он не вполне понимал, что это означало, пока не услышал глухой, скребущий звук и не увидел, что черная черта передвинулась еще на один дюйм дальше. Тогда его словно осенило что-то. Цилиндр был искусственный, полый внутри, с крышкой, которая отвинчивалась! Кто-то, сидящий в цилиндре, отвинчивал эту крышку!

– Там человек! – вскричал Огильви. – Их там много! Они наполовину испеклись и стараются вылезть оттуда!

И внезапно, быстрым скачком мысли, он связал появление метеорита с огненной вспышкой на Марсе.

Так ужасно было думать о заключенных там живых существах, что Огильви, забывая жар, который продолжал исходить от цилиндра, подскочил к нему, чтобы отвинтить крышку, но, к счастью, вовремя спохватился и потому не успел обжечь себе руки о раскаленный металл. Он остановился в нерешимости на одно мгновение, но затем повернулся, выкарабкался из ямы и со всех ног пустился бежать в Уокинг. Было около шести часов. Встретив на своем пути извозчика, он пытался объяснить ему то, что видел только что, но его рассказ, как и весь его вид – он потерял свою шляпу в яме, – показались вознице такими дикими, что он стегнул лошадь и поехал дальше. Такая же неудача посетила его с хозяином квартиры у Горселльского моста. Тот принял его за сбежавшего сумасшедшего и пытался даже запереть его в комнате. Это отрезвило Огильви немного и, когда на дальнейшем своем пути он увидел журналиста Гендерсона, работавшего в своем саду, он окликнул его и постарался спокойно рассказать ему все виденное им.

– Гендерсон! – крикнул он. – Вы наверное видели вчера падающую звезду?

– Ну? – откликнулся Гендерсон.

– Она лежит теперь на Горселльском поле.

– Чорт возьми! – крикнул Гендерсон. – Упавший метеорит! Это недурно!

– Но он представляет из себя нечто почище простого метеорита. Это цилиндр – искусственный цилиндр, дружище! И в нем находятся живые существа.

Гендерсон, с лопатой в руке, немного нагнулся к нему.

– Что такое? – переспросил он: он был глух на одно ухо. Огильви рассказал ему все, что видел. Гендерсон на минуту задумался над его рассказом, а затем, бросив лопату, схватил свою куртку и вышел на дорогу. Оба вместе бросились бежать на поле и увидели цилиндр все в том же положении. Шум, слышавшийся внутри, однако прекратился, и между крышкой и телом цилиндра показалась узкая полоса блестящего металла. В этом месте входил или выходил воздух со слабым тонким шипением.

Минуту они прислушивались, постучали палкой по цилиндру и, не получая ответа, пришли к заключению, что человек или люди, сидящие внутри, потеряли сознание или умерли.

Само собой разумеется, что оба они были не в состоянии что-либо предпринять. Они крикнули несколько слов ободрения и утешения сидящим в цилиндре и отправились в город за помощью.

Можно себе представить, как они выглядели, когда, покрытые пылью, взволнованные и растерзанные, бежали по маленькой улице городка, при ярком солнечном свете, как раз в такое время, когда открывались лавки и проснувшиеся жители смотрели из окон. Гендерсон тотчас же отправился на станцию железной дороги, чтобы сообщить в Лондон по телеграфу сенсационную новость. Газеты уже готовили умы к восприятию этого известия.

К восьми часам толпа мальчуганов и всякого праздного люда собралась на поле, чтобы посмотреть на «мертвых людей с Марса». В таком виде распространилось это известие. Я впервые услышал это от своего газетчика, когда вышел на улицу, чтобы купить «Daily Chronicle». Конечно, я был очень удивлен и, не теряя ни минуты, отправился через Оттершоуский мост к песочным ямам.

III

На Горселльском поле

Небольшая кучка в двадцать человек стояла вокруг ямы, в которой лежал цилиндр. Вид гигантского, зарывшегося в землю тела я уже описал раньше. Кучи земли и песку казались выброшенными взрывом. Без сомнения, тут произошел взрыв, вызванный падением тела. Гендерсона и Огильви не было там. Я подозреваю, что они оба не знали, что предпринять в данную минуту, и поэтому отправились завтракать к Гендерсону.

Четверо или пятеро мальчуганов уселись на краю ямы и, свесив ноги, забавлялись тем, что бросали камни в гигантскую массу, пока я не запретил им этого. Тогда они принялись играть в пятнашки, бегая вокруг группы собравшихся взрослых.

Тут были два велосипедиста, садовник, работавший иногда у меня, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг с маленьким сыном и двое или трое празднующихся бродяг. Разговоров почти не было слышно. Лишь у очень немногих из английского низшего класса были в то время кое-какие понятия об астрономии. Большинство же из присутствующих молча созерцало большую плоскую крышку цилиндра, который оставался все в том же положении, как его оставили Гендерсон и Огильви. Я думаю, что многие, ожидавшие увидеть здесь груды обугленных тел, были разочарованы видом бездушного колосса. Некоторые ушли, пока я был там; их заменили другие. Я опустил в яму, и мне казалось, что я чувствую под ногами слабое движение.

Только подойдя вплотную к метеориту, я убедился в своеобразности его вида. На первый взгляд в нем не было ничего особенного, – не больше, чем в опрокинутом экипаже или свалившемся дереве, заградившем дорогу. Больше всего он был похож пожалуй на ржавую газовую трубу. Требовалась известная степень научной подготовки, чтобы заметить, что серая кора, покрывавшая его, не была обыкновенной окисью, а желтовато-белый металл, блестевший между крышкой и цилиндром, имел какой-то особенный оттенок. Определение «вне-земной» было бы для большинства присутствующих пустым звуком.

Тогда я был уже твердо уверен, что этот предмет явился к нам с планеты Марс. Но мне казалось невероятным, чтобы в нем находились живые существа. Движение крышки могло быть автоматическим. Вопреки мнению Огильви, я был уверен, что на Марсе есть живые существа. Полный фантастических предположений, я серьезно был озабочен мыслью, что в метеорите могли быть заключены рукописи, и представлял себе затруднения, которые должны были возникнуть при переводе их. В нем также могли находиться и образчики монет, медалей и т. д. Но для таких целей метеорит был все же немного велик. Меня раздражало нетерпение увидеть его открытым. В одиннадцать часов еще ничего не произошло нового, и я решил вернуться домой в Мейбюри. Но в этот день мне стоило больших усилий углубиться в свою работу, относящуюся к абстрактным исследованиям.

После полудня вид Горселльского поля сильно изменился. Вышедшие накануне вечерние газеты напечатали крупными буквами в заголовке:

ПОСЛАНИЕ С МАРСА.

Удивительные вести из Уокинга.

Конечно, это не должно было всполошить весь Лондон, и, кроме того, телеграфное сообщение Огильви на астрономическую станцию подняло на ноги все обсерватории трех королевств.

На дороге, около песочных ям, стояло с полдюжины кабриолетов из Уокинга, легкий шарaban из Кобгэма, довольно шикарный собственный экипаж и целая армия велосипедов. Несмотря на жару, много народу пришло пешком из Уокинга в Чертси. В общем, собралась порядочная толпа и среди нее несколько нарядных дам.

Солнце нестерпимо жгло, на небе не было ни облачка, ни дуновения ветерка, и только под одиноко стоящими соснами можно было найти немного тени. Горящий вереск наконец потушили, и вся равнина, по направлению к Оттершоу, почернела, и от нее все еще тянулись вверх струйки дыма. Какой-то предприимчивый купец из Кобгэма прислал своего сына с тележкой, нагруженной кислыми яблоками и имбирным пивом.

Когда я подошел к краю ямы, я увидел там группу людей, человек шесть, в том числе Гендерсона, Огильви и какого-то высокого блондина. Как я потом узнал, это был астроном Стэнт, член Королевского астрономического общества. Он пришел с несколькими рабочими, вооруженными заступами и кирками. Стэнт отдавал приказания ясным, громким голосом. Он стоял на цилиндре, который теперь уже значительно остыл. Лицо его покраснело, и пот катил с него. Повидимому, он был чем-то раздражен.

Большая часть цилиндра были теперь обнажена, но своим нижним концом она лежала еще глубоко в земле. Как только Огильви увидел меня в толпе зевак, стоявших на краю ямы, он крикнул мне, чтобы я сошел к нему, и попросил меня пойти к владельцу соседнего поместья, лорду Гильтону.

– Все увеличивающаяся толпа, – сказал он мне, – представляет серьезную помеху земляным работам, в особенности же мешают мальчуганы. Необходимо обнести яму решеткой, чтобы отеснить толпу. – Он рассказал мне также, что внутри цилиндра по временам все еще раздается слабый шорох, но рабочим не удастся отвинтить крышку, так как она гладкая и не за что ухватиться. Стенки цилиндра были, повидимому, очень толстые, и поэтому весьма возможно, что слабые звуки, доносившиеся до нас, были лишь отзвуком происходящей внутри кутерьмы.

Я с радостью взялся исполнить поручение, так как попадал, таким образом, в число привилегированных зрителей внутри предполагаемой ограды. К сожалению, я не застал лорда Гильтона дома, но мне сказали, что его ждут из Лондона с шестичасовым поездом. Было уже четверть шестого, и поэтому я зашел домой выпить чаю, а затем отправился на станцию, чтобы перехватить лорда на пути.

IV

Цилиндр открывается

Когда я вернулся на поле, солнце уже садилось. Отдельные группы любопытных спешили из Уокинга, другие возвращались туда. Толпа вокруг ямы увеличилась и выделялась темным пятном на золотистом фоне вечернего неба. Всего тут было человек двести. Слышался гул спорящих голосов и у ямы происходило, повидимому, что-то вроде борьбы. Самые необыкновенные догадки мелькали у меня в голове. Когда я подошел ближе, я услышал голос Стэнта:

– Назад! назад!

Навстречу мне бежал какой-то мальчик.

– Он двигается! – закричал он, пробегая мимо. – Он все отвинчивается и отвинчивается. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел к толпе. Там было не менее двухсот-трехсот человек. Все они ужасно толкались, стараясь протиснуться вперед, и особенно энергично действовали дамы.

– Он упал в яму! – закричал кто-то.

– Назад! – кричали другие.

Толпа раздалась немного, и я, воспользовавшись этим, протиснулся вперед с помощью локтей. Все были в страшном возбуждении. Из ямы доносились какие-то своеобразные, жужжащие звуки.

– Я прошу вас, – кричал Огильви: – помогите мне оттеснить этих идиотов! Мы еще не знаем, что находится в этой проклятой машине!

Я увидел, что какой-то молодой человек, приказчик из Уокинга, стоял на цилиндре и старался выкарабкаться из ямы, куда его, очевидно, столкнули во время давки.

Крышку цилиндра отвинчивали изнутри. Уже около двух футов блестящих нарезок винта стали видимы. Кто-то нечаянно толкнул меня сзади, и я чуть-чуть не полетел вниз, прямо на цилиндр. Я обернулся, и как раз в этот момент крышка цилиндра отвинтилась и со звоном упала на песок. Я оттолкнулся локтем от напиравших на меня сзади людей и обернулся лицом к лежащему колоссу. Блеск заходящего солнца ослепил мне глаза, и круглое отверстие цилиндра показалось мне на минуту совершенно черным.

Я думаю, что каждый из присутствующих ожидал появления человека, отличающегося от земных людей, но все же человека. Я, по крайней мере, был в этом уверен. Но когда я вгляделся пристальнее, то заметил вдруг, что в темноте двигалось что-то серое, волнообразными движениями, одно над другим, а потом я увидел два блестящих круга, очевидно – глаза. От этой копошащейся кучи отделилось нечто вроде маленькой серой змеи, величиной с тросточку. Оно устремилось в мою сторону, а за ней такая же другая.

У меня мороз пробежал по коже. Сзади меня громко вскрикнула какая-то женщина. Полуобернувшись к толпе, но не отводя глаз от цилиндра, из которого высовывались все новые щупальцы, я стал протискиваться назад. Я видел, как на лицах людей удивление сменилось ужасом. Кругом раздавались дикие крики и испуганные возгласы. Началась всеобщая паника. Я видел, как приказчик из Уокинга еще старался вылезть из ямы. Люди, стоявшие на стороне ямы, бросились бежать, и между ними был мистер Стэнт. Я остался один.

Взглянув на цилиндр, я окаменел от ужаса. Мои ноги словно приросли к земле. Я не мог пошевелиться, но не мог не смотреть.

Огромное, серое, круглое тело, величиной с медведя, медленно и тяжело поднималось из цилиндра. Когда оно вылезло настолько, что на него упал свет, то я заметил, что все его тело блестело, как мокрая кожа. Большие темные глаза пристально смотрели на меня. У него было что-то вроде лица. Под глазами был рот, без губ, края которого непрерывно дрожали, и из

него текла слюна. Все тело поднималось и опускалось от усиленного вдыхания. Одно щупальце уцепилось за цилиндр, другое болталось в воздухе.

Тот, кто никогда не видал живого марсианина, не может себе представить ужасающего безобразия этих существ. Своеобразная форма рта в виде римской цифры V, с заостренным верхним концом, полное отсутствие надбровных дуг, отсутствие подбородка под клинообразным нижним краем рта, непрерывное дрожание рта, змеевидные щупальцы, громкое дыхание легких в чуждой атмосфере, а также бросающаяся в глаза тяжеловесность, затрудненность движений, – результат большей силы притяжения на Земле – и главное, – упорный взгляд их огромных глаз, – все это вызывало во мне чувство, близкое к обмороку. Было что-то грибообразное в этой маслянистой коричневой коже, а в неуклюжей обдуманности медленных движений марсиан лежало что-то невыразимо страшное. Уже с первой встречи, с первого взгляда отвращение и ужас наполнили мою душу.

Чудовище вдруг скрылось. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму с таким стуком, словно большой кожаный мешок ударился о землю. Я услышал странный, глухой крик, и в тот же момент в темном отверстии цилиндра показалось второе такое же существо.

Тут столбняк мой разом прошел. Я повернулся и бросился бежать, как сумасшедший, к ближайшей группе деревьев, бывших на расстоянии ста ярдов от меня. Но я бежал зигзагами и спотыкался на каждом шагу, так как все время оглядывался на чудовище.

Там, под молодыми соснами, за кустами дрока, я остановился, задыхаясь, и стал выжидать дальнейшего развития событий. Поле, вокруг песочных холмов, было усеяно людьми, которые, так же как и я, словно очарованные, в ужасе стояли и смотрели на невиданные существа или, вернее, на кучи камней у края ямы, в которой они копошились. Вдруг я увидел круглый черный предмет, который то поднимался над краем ямы, то снова исчезал. То была голова злополучного приказчика, который упал тогда в яму, голова, казавшаяся издали маленьким, черным пятном на фоне заката. Но вот показались его плечи и колени, а затем он опять, должно быть, соскользнул, так как видна была только его голова. Вскоре и она исчезла, и я услышал как будто слабый крик. Одну минуту я чуть не поддался импульсу бежать ему на помощь, но страх одержал верх...

Теперь уже ничего не было видно, так как куча песку, набросанного при падении цилиндра, скрывала от глаз происходившее в яме. Всякий, кому пришлось бы проходить в это время по дороге из Кобгэма или Уокинга, был бы поражен необыкновенным зрелищем. Рассеянная толпа народа, человек в сто слишком, стояла неправильным кольцом, прячась в канавах, за кустами и изгородью. Никто не разговаривал друг с другом, и только иногда слышались короткие, возбужденные возгласы. Брошенная своим владельцем тележка с имбирным пивом выривалась темным силуэтом на алеющем вечернем небе. У песочных ям стоял ряд опустевших экипажей, лошади которых ели овес из подвешенных торб и нетерпеливо взрывали землю копытом.

V Тепловой луч

С той минуты, когда я увидел марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они прилетели со своей планеты к нам на Землю, какие-то чары сковали мою волю. Я продолжал стоять, как заколдованный, по колена в вереске и, не отрываясь, смотрел на песочные кучи, скрывавшие от меня этих чудовищ. Страх и любопытство боролись в моей душе.

Я не решался вернуться к яме, но у меня было страстное желание заглянуть в нее. Я начал поэтому искать какой-нибудь удобный пункт для наблюдений, не спуская однако глаз с песочных куч, за которыми прятались эти странные пришельцы. Вдруг я увидел, как взметнулся кверху, по направлению к заходящему солнцу, какой-то тонкий, черный пучок, словно лапа полипа, и снова скрылся. Затем вытянулся, точно сустав за суставом, тонкий столб, на конце которого находился круглый диск, который все время вращался. Что могло происходить там?

Большинство людей разделилось на две группы. Одна, поменьше, стояла в стороне Уокинга, другая кучка, побольше, – в стороне Кобгэма. Очевидно, все они переживали такую же душевную борьбу, как и я.

Несколько человек стояло около меня. В одном из них я узнал моего соседа, хотя имя его было мне неизвестно. Я подошел к нему и заговорил с ним. Но момент был совсем неподходящий для разумной беседы.

– Что за ужасные гады! – сказал он. И он повторил это несколько раз.

– Видели вы человека в яме? – спросил я его. Но он мне ничего не ответил на это. Мы долго молча стояли друг около друга и испытывали, казалось, некоторое облегчение оттого что были вместе. Затем я перешел на другое место, которое было выше на несколько футов и удобнее для наблюдений, а когда я оглянулся, то увидел, что мой сосед шел по направлению к Уокингу.

Закат сменился постепенными сумерками, не принеся с собой никаких изменений. Вдали, налево от Уокинга, толпа как будто прибывала, и оттуда доносился неясный гул голосов. Около Кобгэма бывшая тем кучка людей совсем рассеялась. Вблизи ямы, где лежал цилиндр, не было заметно никаких признаков жизни.

Это подействовало ободряюще на толпу, и возможно также, что новые зрители, подивившиеся из Уокинга, способствовали подъему настроения. Во всяком случае, с наступлением темноты возобновилось медленное, непрерывное движение по направлению к песочным ямам, которое все разрасталось, так как около ямы, где лежал цилиндр, продолжала царить тишина, и это придавало храбрости людям. Группы в два-три человека отваживались идти вперед, останавливались, пристально всматривались и снова продвигались дальше. Редким, неправильным полукругом растянулись люди около ямы. Я тоже начал медленно подходить к ней.

Несколько кучеров и других каких-то людей отважились даже спуститься в песочные ямы. Я услышал стук колес и конских копыт. Молодой парень тащил обратно свою тележку с яблоками. А ярдах в тридцати от ямы, со стороны Горселля, показалась темная кучка людей, несущих белый флаг.

Это была депутация. Как оказалось потом, в Горселле состоялось очень оживленное совещание. Так как марсиане, несмотря на свою отталкивающую наружность, были, повидимому, существа разумные, то решено было отправить к ним депутацию и как-нибудь, при помощи сигналов, дать им понять, что мы такие же разумные существа, как и они.

Белый флаг развевался во все стороны. Я стоял слишком далеко, чтобы различить лица идущих, но потом я узнал, что в числе участников этой попытки завязать сношения с марсианами были также Огильви, Стэнт и Гендерсон. Эта маленькая группа людей вступила внутрь теперь уже почти сомкнувшегося круга. За нею, на почтительном расстоянии, следовало несколько темных фигур.

Вдруг вспыхнул яркий свет, и туча светящегося, зеленоватого дыма потянулась вверх из ямы тремя ясно видимыми клубами. Столбы дыма, один за другим, поднимались вверх в тихом, безветренном воздухе, прямые, как свечи.

Этот дым, – назвать его пламенем было бы, пожалуй вернее, – светился так ярко, что темно-синее небо и все пространство коричневого поля, по направлению к Чертси, с разбросанными на нем черными соснами, погрузилось во мрак, когда поднялись эти клубы, а когда дым рассеялся, то стало еще темнее. Одновременно слышен был слабый свистящий звук.

По другую сторону ямы остановилась депутация с белым флагом, пораженная этим явлением; это была маленькая, ничтожная кучка черных фигур на черной земле! Их лица, освещаемые вспышками зеленого дыма, казались зеленовато-бледными, как у мертвецов.

Шипящий звук постепенно перешел в жужжание и, наконец, в громкое, протяжное гуденье. Из ямы медленно поднялась бесформенная фигура, и казалось, что из нее брызнул маленький световой луч.

Вдруг по разбросанной человеческой толпе пробежали искры настоящего пламени, пере скакивая от одного к другому. Казалось, что в них ударили невидимой струей света, который

сейчас же превратился в белое пламя. Будто каждый, в кого попадала такая струя, мгновенно загорался.

И при свете этого пламени, приносившего им гибель, я видел, как они метались и падали и как те, кто следовал за ними, обращались в бегство.

Я стоял ошеломленный всем виденным, не понимая еще, что в той далекой группе людей носится смерть, выхватывая одного за другим. Я чувствовал только, что там происходит что-то особенное. Одна, почти неслышная, ослепительная вспышка света, – и человек падал безжизненной грудой на землю, а над его головой невидимая огненная струя пронеслась дальше, – зажигая сосны, кусты дрока и превращая все на своем пути в огненный костер. Я видел, как вдали, под Нэпгиллем, загорелись вдруг ярким пламенем деревянные постройки, изгороди и деревья.

Быстро и неуклонно носилась кругом огненная смерть, все поражая своим невидимым, неумолимым мечом. По пылающим кустам я догадался, что она подходит ко мне; но я был так ошеломлен и удивлен, что не мог двинуться. Я слышал треск огня в песочных ямах и внезапное лошади, которое тотчас же затихло. Казалось, что между мной и марсианами чья-то невидимая, раскаленная рука провела по полю огненную линию; повсюду вокруг песочных ям темная земля задымилась и затрещала. Вдали под Уокингом, где дорога со станции выходит в поле, что-то рухнуло со страшным треском. Тотчас же прекратилось гудение, и черный, куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся из глаз.

Все это произошло так быстро, что я стоял оглушенный и ослепленный, не будучи в состоянии двинуться с места. Если бы огненная смерть описала полный круг, то я бы погиб безвозвратно. Но она прошла мимо и пощадила меня, оставив во власти темной, жуткой ночи.

Холмистое поле казалось теперь почти черным, и только местами, под темно-синим небом, чуть-чуть серели полосы дорог. Было темно и совершенно безлюдно. Вверху над моей головой постепенно загорались звезды, а на западной стороне неба все еще виднелась мерцающая, бледно-зеленая полоса, на которой резкими, темными контурами выделялись верхушки сосен и крыши домов Горселля. Марсиане и их приспособления оставались совершенно невидимыми, только высокий шест, на верхушке которого вертелся неумолимый диск, продолжал стоять. Отдельные кусты и одиноко стоящие деревья все еще горели и дымились, да в стороне Уокинга, у станции, от домов поднимались огненные столбы дыма, расплываясь в тихом ночном воздухе.

Ничто не изменилось. Если бы только не это чувство ужасного, подавляющего изумления! Маленькая горсточка черных фигурок с белым флагом была вычеркнута из жизни и мирная тишина вечера как будто не нарушалась.

Я вспомнил, что я остался один в этом мрачном поле, беззащитный, беспомощный. И внезапно, словно что-то пришедшее ко мне извне, на меня напал страх. С усилием я повернулся и, спотыкаясь о вереск, побежал прочь.

Страх, обуявший меня, был не сознательный страх, а панический ужас не только перед марсианами, но и перед окружавшими меня мраком и тишиной. Подавленный этим ужасом, я бежал и тихо плакал, как дитя. Теперь, когда я отвернулся, я уже не решался оглянуться назад.

Помню, что я испытывал тогда странную уверенность, что со мной кто-то играет и что, как только я буду в пределах безопасности, эта таинственная смерть – быстрая, как свет – выскочит из ямы, где лежит цилиндр, настигнет меня и убьет...

VI Тепловой луч на Кобгэмской дороге

Все еще остается загадкой, каким образом могли марсиане так быстро и бесшумно убивать людей. Многие придерживаются того мнения, что они доводят до очень высокого градуса температуру в запертой камере, абсолютно не проводящей тепла. Этот накопленный запас теплоты они направляют посредством параллельных лучей на любой намеченный ими предмет, с помощью отполированного параболического зеркала, подобно тому световому лучу, который распространяется параболическим зеркалом на маяках. Но никто еще не мог доказать верность всех этих предположений. Как бы то ни было, одно было несомненно – что суть дела была в тепловом луче. Тепловая энергия, и притом невидимая, вместо видимой световой. Все воспламеняющееся горит при одном прикосновении этого луча. Свинец превращается в жидкость, железо становится мягким, стекло лопаются и плавится; а когда такой луч попадает в воду, он превращает ее в пар.

В ту ночь вокруг ямы лежало до сорока трупов, обугленных и обезображенных до неузнаваемости. Всю ночь на поле Горселле и Мейбургом бушевал огонь, и туда не показывалась ни одна живая душа. Только постепенно огонь затих.

Весть о разыгравшейся трагедии облетела почти одновременно Кобгэм, Уокинг и Оттершоу. В Уокинге магазины были уже закрыты, когда произошло несчастье, и толпы празднующихся, лавочников и других людей, взволнованные рассказами о событиях, шли через Горселльский мост, вдоль дороги, ведущей в поле. Можно себе представить, с каким удовольствием собиралась молодежь после работы, пользуясь новостью дня, как и всякой другой, для совместных прогулок.

Правда, очень немногие люди знали в Уокинге об открытии цилиндра, хотя бедняги Гендерсон послал на почту велосипедиста со срочной телеграммой для вечернего выпуска газеты. Когда вся эта масса гуляющих, отдельными группами в два-три человека, собралась в поле, они увидели там маленькие кучки людей, возбужденно разговаривающих и глазающих на вертящееся зеркало над песочной ямой. Само собою разумеется, что это волнение вскоре передалось и новоприбывшим. В половине девятого, когда погибла депутация, на улице собралось около трехсот человек, а может быть и больше, исключая тех, которые отделились, чтобы подойти ближе к марсианам. Между первыми было также три полисмэна, один из них был верхом. Следуя предписаниям Стэнта, они добросовестно старались отеснить толпу и не допустить ее близко к цилиндру. По их адресу раздавались свистки и насмешки, исходившие от слишком впечатлительных и сумасбродных людей, всегда готовых поскандальить. Когда марсиане вылезли из цилиндра, Стэнт и Огильви, предвидя возможность столкновения, тотчас же отправили из Горселля телеграмму в казармы, с просьбой прислать отряды солдат в ограждение чужеземцев от насилий. После того они вернулись, чтобы участвовать в злополучной депутации. Описание их гибели, как передавали о ней очевидцы, вполне совпало с тем, чему я сам был свидетелем: три столба зеленоватого дыма, громкое гудение и вспыхивающие искры огня.

Но вся эта толпа избежала опасности гораздо более серьезной, чем я. Их спасло только то обстоятельство, что нижняя часть теплового луча наткнулась на преграду в виде песчаного бугра. Если бы шест с параболическим зеркалом был только на несколько ярдов выше, из толпы не спаслось бы ни одного человека. Они видели вспышки огня, наблюдали, как падали люди, как невидимая рука зажигала кустарники и деревья. Потом, со свистящим звуком, заглушившим гуденье в яме, страшный луч скользнул над их головами, зажег вершины буковых деревьев, которые окаймляли улицу, раздробил кирпичи, разбил окна, зажег оконные рамы и разрушил часть крыши в угловом доме.

При этой неожиданной вспышке и ослепительном зареве горящих деревьев толпа заколыхалась в нерешимости.

Искры, горящие сучья и листья падали на улицу. На людях стали загораться платья и шляпы. С поля доносились испуганные крики. В воздухе стояли стон и вой. Вдруг в толпу врезался конный полисмен; он поднял руки над головой и громко закричал.

– Они идут! – завопила какая-то женщина, и мгновенно вся толпа повернула назад. Передние расталкивали задних, чтобы очистить дорогу к Уокингу. Толпа неслась по дороге, словно испуганное стадо овец. Там, где дорога суживается между высокими холмами, толпа остановилась, и началась давка. Не все могли спастись: две женщины и один маленький мальчик были задавлены, и их бросили умирать во мраке страшной ночи.

VII

Как я добрался домой

Отдельные подробности моего бегства с поля стерлись в моей памяти. Помню только, как я натыкался на деревья и путался ногами в вереске. Все вокруг меня, казалось мне, было полно невидимой опасности, исходившей от марсиан. Мне чудилось, что над моей головой все еще носится тот безжалостный огненный меч и что вот-вот он опустится надо мной и убьет меня. Я достиг улицы, ведущей к Горселлю, и побежал по ней к перекрестку.

Вдруг я почувствовал, что дальше идти не могу; я был измучен пережитыми волнениями и бегством. Я зашатался и упал. Это случилось недалеко от моста, в том месте, где у газового завода он пересекает канал. Здесь я упал и остался лежать.

Должно быть, я пролежал тут некоторое время.

Наконец я очнулся и сел, недоумевая, как я попал сюда. Мой страх пропал. Я потерял шляпу, а мой воротничок соскочил с запонки. Всего несколько минут назад для меня существовали только три реальные вещи: беспредельность ночи, пространства и природы, мое собственное ничтожество и страх и близость смерти. Теперь же как будто все изменилось во мне и кругом меня. Я бы не мог определить, произошел у меня переход от одного душевного состояния к другому. Я сразу стал самим собой, обыкновенным, скромным гражданином. Безмолвное поле, мое бегство, ужасные вспышки огня, все это казалось мне сном, и я спрашивал, действительно ли все это было? Я не мог поверить этому.

Я встал и неверными шагами стал подниматься по крутому мосту. В моей душе было недоумение. Мои мускулы и мог нервы, казалось, потеряли всю эластичность. Я шатался, как пьяный.

Над высокой дугой моста показалась сначала голова, а потом фигура рабочего, несшего корзину. Рядом с ним бежал маленький мальчик. Проходя мимо меня, он пожелал мне «доброй ночи». Я хотел заговорить с ним – и не мог. На его приветствие я ответил каким-то бессмысленным бормотанием и пошел дальше.

По Мейбургскому виадуку пронесся поезд, сверкнув на мгновение длинной вереницей освещенных окон и оставив за собой волнующиеся полосы белого, огненного дыма. Треск, грохот и звон – и поезд исчез в ночной мгле. Небольшая кучка людей стояла болтая в воротах одного из хорошеньких домов, ряды которых образуют так называемую «Восточную терасу». Все это было знакомой, милой действительностью. А то другое, что лежало за мной, было безумным бредом и фантазией!

Таких вещей, говорил я себе, не может быть!

Возможно, что я человек исключительных настроений. Я не знаю, все ли испытывают то же, что я. Бывают дни, когда я чувствую странную оторванность от всего мира и от собственной личности. Мне кажется тогда, что я наблюдаю все окружающее откуда-то извне, из бесконечного далека, вне времени, вне пространства, по ту сторону горя и трагедии жизни. В ту ночь это чувство было особенно сильно во мне. То была другая часть моего сна.

Но в то же время меня смущало явное противоречие такой ясности духа с ужасными картинками, которые я видел там, где витала молниеносная смерть, – на расстоянии двух миль от меня. На газовом заводе кипела работа, и все электрические лампы были зажжены. Я остановился около болтающей группы людей.

– Что нового на поле? – спросил я.

Двое мужчин и одна женщина стояли у ворот.

– Что? – отозвался один из мужчин, обратясь ко мне.

– Я спрашиваю, что нового на поле? – повторил я.

– А разве вы не оттуда? – в один голос спросили мужчины.

– Люди, кажется, совсем помешались из-за этого поля, – заметила женщина. – Что там собственно произошло?

– Разве вы ничего не слышали о марсианах? – спросил я. – Про людей со звезды Марс?

– Более, чем достаточно, – сказала женщина. – Спасибо!

И все трое засмеялись.

Я чувствовал себя сконфуженным. Я попытался рассказать им то, что видел, и не мог. Они все время смеялись над моей бессвязной речью.

– Вы еще услышите об этом, – сказал я и пошел домой. Дома жена моя испугалась, увидя мое осунувшееся лицо.

Я прошел в столовую, сел и выпил немного вина. Когда пришел в себя, я рассказал жене то, что видел. Обед, состоявший из холодных блюд, остался нетронутым на столе во время моего рассказа.

– В одном я могу тебя успокоить, – сказал я, видя ее волнение, возбужденное моим рассказом: – это самые неповоротливые существа, которых я когда-либо видел. Они могут завладеть ямой и убивать всех людей, которые подойдут к ним близко; но вылезть из нее они не смогут... Но какие они ужасные!

– Не говори, милый! – сказала жена, сморщив брови; она положила свою руку на мою.

– Бедный Огильви, – проговорил я. – Подумать только, что, может быть, он лежит там мертвый...

Моя жена, по крайней мере, не нашла мой рассказ неправдоподобным. Но, заметив, как она побледнела, я круто оборвал свою речь.

– Они могут прийти и сюда, – повторила она несколько раз.

Я заставил ее выпить вина и старался успокоить.

– Они еле могут двигаться – сказал я.

Чтобы ободрить себя и ее, я начал повторять ей все, что говорил мне Огильви о невозможности для марсиан длительного пребывания не Земле. Особенное значение я придавал вопросу о силе притяжения. На поверхности Земли сила притяжения и три раза больше, чем на Марсе. Поэтому марсианин весит на Земле втрое больше, чем на Марсе, тогда как его мускульная сила остается такой же, как была. Таким образом, ему будет не под силу носить свое собственное тело. На самом деле, это было общее мнение. И «Times» и «Daily Telegraph», вышедшие на другой день, утверждали то же самое; но обе газеты, как и я, совершенно упустили из виду два фактора, менявшие дело.

Как известно, атмосфера Земли содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса. Возбуждающее действие избытка кислорода на марсиан, бесспорно, является противовесом увеличению веса их тела. А во-вторых, все мы проглядели тот факт, что с такими механическими приспособлениями, какими обладали марсиане, они могли, в случае нужды, обойтись и без применения мышечной силы.

Тогда я не принял во внимание этих соображений, и поэтому моя аргументация немного хромала. Подкрепившись пищей и вином, окруженный привычной домашней обстановкой и поддерживаемый сознанием необходимости успокоить свою жену, я и сам мало-по-малу стал спокойнее.

– Они сделали большую глупость, – сказал я, отпивая вино из стакана. – Они опасны только потому, что они сами обезумели от страха. Может быть, они не ожидали встретить здесь живых существ, и во всяком случае можно бросить бомбу в яму: она их всех убьет.

Странное возбуждение после пережитых волнений, без сомнения, сильно обострило силу восприимчивости во мне. Я до сих пор необыкновенно живо помню наш обед. Милое, встревоженное лицо моей жены, выглядывавшее на меня из-под шелкового розового абажура лампы, белая скатерть, уставленная серебряной и хрустальной посудой (в те дни даже писатели-философы позволяли себе такую маленькую роскошь), пурпурно-красное вино в моем стакане, –

все это запечатлелось с фотографической точностью в моем мозгу. В конце стола сидел я сам, щелкал орехи, потягивал сигару, сожалел о неосторожности Огильви и осуждал близорукую трусость марсиан.

Так, вероятно, рассуждал, сидя в своем гнезде, какой-нибудь почтенный додо на острове Маврикия, когда туда высадились горсточка безжалостных матросов в поисках за животной пищей:

– Завтра мы заключаем их до смерти моя милая! – говорил я.

Я не знал тогда, что то был мой последний обед в культурной обстановке, перед началом целого ряда необычайных, ужасных дней.

VIII

В ночь на субботу

Из всех странных и удивительных вещей, которые произошли в эту пятницу, самой странной была для меня несовместимость повседневного обихода жизни с первыми признаками начала целого ряда событий, которые должны были перевернуть вверх дном весь социальный строй этой жизни. Если бы кто-нибудь в пятницу ночью, вооружившись циркулем, провел мысленно круг с радиусом в пять миль вокруг песочных ям Уокинга, то я уверен, что вне этого круга не нашлось бы ни одного человека, за исключением лишь родственников Стэнта, двух или трех велосипедистов, да лондонцев, лежавших мертвыми на поле, чьи привычки и чье настроение были бы нарушены пришельцами с Марса. Многие, конечно, слышали о цилиндре и в свободные часы, может быть, даже беседовали об этом; но несомненно, что это событие не вызвало такой сенсации, какую вызвал бы, например, наш ультиматум Германии.

В Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона с описанием снаряда и его постепенного отвинчивания была принята за газетную утку, и редактор вечернего листка просил по телеграфу Гендерсона о подтверждении. Но, так как ответа не было получено, – Гендерсон уже погиб тогда, – то редакция решила не выпускать дополнительного номера с этим известием. Даже в пределах этого пятимильного круга большинство людей оставались равнодушными. Отношение женщин и мужчин к моему рассказу о событиях я уже описывал. Повсюду люди обедали и ужинали, как всегда; рабочие, по окончании работ на фабрике, копались у себя в саду, детей укладывали спать в обычный час, молодежь и нежные парочки гуляли по улицам, а ученые сидели за своими книгами.

Возможно, что на улицах было больше оживления, что в кабаках и трактирах явилась новая тема для разговоров, что там и сям появлялся очевидец последних событий и вызывал своим рассказом крики и испуганные возгласы. Но в общем жизнь продолжала идти своим обычным, повседневным темпом, люди продолжали работать, есть, пить и спать, как раньше, – как будто никакой планеты Марс и не существовало. То же самое было на станциях железных дорог в Уокинге, Горселле и Кобгэме.

На узловом пункте в Уокинге поезда приходили, уходили и передвигались на запасный путь, пассажиры выходили и ждали на вокзале, – словом, все шло своим заведенным порядком. Мальчишка-газетчик из города продавал, невзирая на монополию мистера Смитса, листки с последними известиями, и его выкрики «люди с Марса» смешивались со звоном и грохотом багажных тележек и резкими свистками паровозов. В девять часов на станцию прибежали несколько человек с невероятными рассказами о событиях на поле, но их появление так же мало нарушило общий порядок, как появление пьяных. Пассажиры, которые ехали в Лондон и выглядывал в темноту из окон вагона, видели странные, вспыхивающие то появляющиеся, то снова исчезающие, искорки света по направлению к Горселлю, видели красное пламя, с тянувшейся от него к звездам тонкой завесой дыма, и думали, что это горит вереск. Только на повороте, огибающем поле, можно было заметить, что случилось что-то неладное. На границе Уокинга горело с полдюжины дач. Во всех трех деревнях, в домах, обращенных окнами в поле, горел свет; их обитатели не ложились спать до зари.

На Кобгэмском и Горселльском мостах всю ночь толпились любопытные. Люди приходили и уходили, но толпа не убывала. Некоторые смельчаки, как оказалось потом, решили прокрасться в темноте до самой ямы, где сидели марсиане. Эти смельчаки больше не возвращались никогда, так как световой луч, словно прожектор военного судна, от времени до времени пробегал по полю, а непосредственно за ним следовал и тепловой луч. За исключением этого, широкая площадь поля казалась пустой и безмолвной, и обуглившиеся трупы лежали на земле

всю ночь и весь следующий день. Только из ямы доносился какой-то шум, словно стук молотков, который слышали многие.

Таково было положение вещей в пятницу ночью. В центре этих событий находился цилиндр, который торчал, как отравленная стрела в теле нашей старой планеты. Но действие яда еще только начиналось. Кругом тянулась полоса безмолвного поля, местами дымившегося, с разбросанными на нем темными, неясными фигурами в неестественных позах. Там и сям горело дерево или куст. Кое-где среди живых людей царило волнение, но за пределы этого круга оно еще не распространялось. Во всем же остальном мире жизнь текла попрежнему. Лихорадка войны, которая должна была бы заморозить кровь в жилах, иссушить нервы и расстроить мозг, была еще впереди.

Всю ночь стучали марсиане, готовя свои машины, и то и дело взвивались к звездному небу столбы зеленовато-белого дыма.

Около одиннадцати часов через Горселль прошла рота солдат и выстроилась на краю поля, образуя кордон. Позднее через Кобгэм прошла вторая рота и оцепила поле с северной стороны. Несколько офицеров из Инкерманских казарм были на поле еще рано утром, и один из них, майор Иден, так и не вернулся. Командир около полуночи подъезжал к Кобгэмскому мосту подробно расспрашивал собравшуюся там толпу. Без сомнения, военные власти прекрасно понимали серьезность положения.

На следующее утро газеты сообщили, что из Ольдершота был отправлен на место происшествия эскадрон гусар, два пулемета и до четырехсот человек Кардиганского полка.

Через несколько секунд после полуночи толпа, стоявшая на дороге из Уокинга в Чертсей, видела звезду, которая упала в северо-западном направлении в сосновый лес. Полет ее сопровождался зеленоватым светом, похожим на сверкание молнии.

То был второй цилиндр.

IX Война начинается

Суббота живет в моей памяти как день томительного ожидания. Это был жаркий, душный день, отмеченный, как мне передавали, резкими колебаниями барометра. Я спал очень плохо и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь. Но со стороны поля не было заметно никакого движения, и только жаворонок кружился в воздухе.

Наш молочник явился в обыкновенное время.

Услышав стук его тележки, я подошел к калитке, чтобы расспросить его о новостях. Он рассказал мне, что ночью марсиан окружили войсками и что теперь ожидают прибытия пушек. Тут я услышал знакомые успокоительные звуки: к Уокингу подходил поезд.

– Их не хотят убивать, – сказал молочник, – если только удастся обойтись без этого.

Я увидел соседа, работавшего в своем саду. Мы поболтали немного, а потом я пошел завтракать. Утро начиналось как всегда. Мой сосед был того мнения, что войскам удастся в течение дня захватить марсиан или их уничтожить.

– Это очень жалко, – сказал он, – что марсиане держат себя так недоступно. Было бы интересно услышать, как они живут на других планетах, и мы могли бы узнать это от них.

Он подошел к решетке и протянул мне горсть земляники, так как он был не только страстный садовод, но и щедрый хозяин. Одновременно он сообщил мне, что влево от Байфлита горит сосновый лес.

– Говорят, – продолжал он, – что упала вторая такая же штука. Но и одной было бы совершенно достаточно! Такое удовольствие будет стоить хорошенькой суммы денег нашим страховым обществам, пока все кончится. – И он засмеялся с видом невозмутимого добродушия. – Лес и теперь еще горит, – продолжал он, указывая рукой на видневшуюся вдали полосу дыма. – Почва долгое время будет горяча под ногами, так как ее покроем толстый слой тлеющих игл. – Затем он сделался серьезным и заговорил об Огильви.

После завтрака я отложил свою работу и решил идти на поле. Под железнодорожным мостом я встретил группу солдат – сапер, как я думаю, – в маленьких круглых кэпи и грязных расстегнутых красных куртках, оставлявших на виду их синие рубахи, в черных брюках и сапогах, которые доходили только до икр. Они сказали мне, что через мост никого не пропускают, и, действительно, взглянув туда, я увидел, что там стоит часовой, солдат Кардиганского полка. Я поговорил с этим солдатом некоторое время и рассказал им о своей встрече с марсианами прошлым вечером. Никто из них не видел марсиан, и они имели о них весьма неясное представление, поэтому они засыпали меня вопросами. Оказывается, что они не знали, кто распорядился послать войска, но полагали, что дело тут не обошлось без пререканий. Рядовой сапер гораздо развитее простого солдата, и они не без знания дела обсуждали условия предстоящей борьбы. Я описал им действие теплового луча, после чего каждый из них стал высказывать свое мнение, как повести атаку на марсиан.

– Нужно подкрасться к ним под прикрытием и затем кинуться на них, говорю я, – сказал один.

– Брось! – вмешался другой: – прикрытия не защитит тебя при такой жаре. Разве только тебя легче будет зажарить! Нет, нам нужно подойти как можно ближе и затем вырыть траншею.

– К черту твои траншеи! Ты только и знаешь твои траншеи. Тебе бы кроликом родиться, Снippi.

– Неужели у них совсем нет шеи? – неожиданно обратился ко мне третий, маленький, черный человечек с глубокомысленным видом, с трубкой в зубах.

Я повторил мое описание.

– Осьминоги, стало-быть, – сказал он. – значит, теперь нам придется сражаться с рыбами.

– Нет никакого греха убивать таких гадов, – заметил первый из собеседников.

– Почему не расстрелять их и сразу же не покончить с ними? – предложил маленький, черный человек. – Ведь никто не знает, какие еще каверзы они готовят нам!

– А где же твои бомбы? – насмешливо заметил первый. Теперь – уже поздно. Нужно произвести атаку, – вот мой план, и сделать это не откладывая!

Они еще долго беседовали в том же духе. Через некоторое время я расстался с ними и отправился на вокзал, чтобы закупить как можно больше утренних газет.

Я не стану утомлять читателя описанием длинного утра и не менее длинного дня. Мне так и не удалось бросить хотя бы один взгляд на поле, так как даже церковные колокольни в Горселле и Кобгэме были заняты войсками. Солдаты, к которым я обращался с расспросами, ничего не знали. Офицеры имели очень таинственный и озабоченный вид. Городские жители чувствовали себя, как я видел, в большей безопасности под охраною военной силы. Тогда я впервые услышал от Маршала, хозяина табачной лавки, что его сын был среди убитых на поле. Солдаты принудили обитателей предместий Горселля запереть свои дома и покинуть их.

Около двух часов дня я вернулся домой усталый, прямо к завтраку. Как я уже говорил, день был очень жаркий, и, чтобы освежиться, я принял холодную ванну. Приблизительно около половины пятого я снова отправился на вокзал чтобы купить себе вечерний выпуск газеты, так как утренние газеты содержали весьма неточное описание смерти Стэнта, Огильви, Гендерсона и других. Да, и кроме того, там не было ничего такого, чего бы я уже не знал. Марсиан не было видно. Они засели в своей яме и были, повидимому, очень заняты, так как стук молотков не прекращался, и над ямой непрерывно поднимались столбы дыма. Было ясно, что они готовятся к борьбе. «Были сделаны новые попытки достигнуть соглашения при помощи сигналов, но безуспешно», – так гласила стереотипная формула газет. Один из саперов рассказывал мне, что на этот раз пробовали сигнализировать из канавы, высовывая длинный шест с флагом, но марсиане обратили на это столько же внимания, как мы на мычание коровы.

Я должен сознаться, что вид военных приготовлений до крайности возбудил меня. Фантазия моя разыгралась, и в своем воображении я поражал врагов тысячами способов. Во мне снова проснулись мои школьные грезы о битвах, о героях. Но на этот раз бой был неравным. Таким беспомощным казался мне неприятель в своей яме.

В три часа мы слышали со стороны Чертси или Оддльстона через правильные промежутки первые пушечные выстрелы. Как оказалось, это обстреливали горевший сосновый лес, куда упал второй цилиндр, в надежде уничтожить его прежде, чем он откроется. В Кобгэм только к пяти часам прибыла полевая пушка, предназначенная для военных действий против первой партии марсиан.

В шесть часов вечера, когда я с женой сидел в беседке за чаем и горячо обсуждал предстоящую битву, я вдруг услышал со стороны поля заглушенные раскаты выстрела, и непосредственно за этим началась стрельба. Вслед за этим раздался такой оглушительный треск, что дрогнула земля. Выскочив на лужайку, я увидел, что верхушки деревьев, около Восточного колледжа, пылают ярким пламенем, а колокольня соседней маленькой церкви обрушилась. Купол церкви исчез, а крыша колледжа имела такой вид, как будто ее обстреливали из пушек в сто тонн. В нашем доме разлетелась труба как от удара бомбы, кирпичи с грохотом посыпались на крышу и образовали на цветочной гряде, перед окном моего кабинета, целую грудку красных обломков.

Я и моя жена остановились, как вкопанные. Затем я вдруг сообразил, что теперь, когда колледж был почти разрушен, гребень Мейборгского холма попадал в круг действия теплового луча марсиан.

Я схватил мою жену под руку и, не раздумывая больше, выбежал с ней на улицу. Затем я побежал за служанкой, обещая ей снести ее сундук, с которым она не хотела расставаться.

– Мы ни в каком случае не можем оставаться здесь, – сказал я. И не успел я договорить, как пальба на поле возобновилась.

– Но куда же мы отправится? – спросила моя жена в ужасе.

Я молча начал соображать, и вдруг я вспомнил об ее родственниках в Лизсерхеде.

– В Лизсерхед! – крикнул я, стараясь перекричать грохот выстрелов.

Она отвернулась и смотрела вниз вдоль улицы. Испуганные люди выбегали из домов.

– Как мы доберемся до Лиэсерхеда? – спросила она.

У подножья холма я увидел кучку гусаров, проскакавших под железнодорожным мостом. Трое въехали в открытые ворота Восточного колледжа, двое других – спешили и побежали по дороге, заходя из дома в дом.

Солнце светило сквозь дым, подымавшийся от верхушек горящих деревьев, и казалось кроваво-красным, бросая на все окружающее какой-то непривычный тусклый свет.

– Подожди меня здесь, – сказал я жене: – здесь ты в безопасности. – Сам же я, не теряя времени, побежал в трактир «Пятнистая Собака», хозяин которого, как я знал, имел лошадь и шарабан. Я бежал изо всех сил, так как был уверен, что в короткое время по эту сторону холма соберется все население. Я нашел хозяина трактира, стоящего за буфетом в полном неведении того, что происходило за его домом. Какой-то человек, который стоял спиной ко мне, разговаривал с ним.

– Вы мне должны заплатить один фунт, – сказал хозяин. – Но я не могу вам дать кучера.

– Я вам дам два фунта, – крикнул я через плечо незнакомца.

– За что?

– И к двенадцати часам ночи я вам доставлю обратно ваш шарабан, – прибавил я.

– Почему такая спешка, сэр? – возразил хозяин. – Я продаю свою часть свиньи. Вы даете два фунта и беретесь доставить мне ее обратно. Что же еще случилось?

Я наскоро объяснил ему, что мне нужен шарабан, потому что я уезжаю. В ту минуту меня совершенно не смущала необходимость отъезда для него самого. Я дождался, чтобы шарабан заложили, проехал в нем вдоль улицы и оставил его на попечение моей жены и служанки. Затем я побежал обратно в дом, собрал некоторые ценные вещи, серебро и прочее и захватил их с собой. Тем временем загорелась буковая роща, пониже нашего дома, и садовые решетки вдоль дороги. Пока я еще укладывался, явился один из гусар. Он ходил из дома в дом, предупреждая жильцов, чтобы они уезжали. Он уже убежал, когда я вышел из дверей дома, нагруженный своими сокровищами, завязанными в скатерть.

Я закричал ему вслед:

– Что нового?

Он обернулся, посмотрел на меня и проворчал мне что-то о «ползании в какой-то штуке, вроде крышки от блюда». Затем он побежал дальше через ворота дома, стоявшего на верхушке гребня. Я бросился к дому моего соседа и, постучавшись в дверь, удостоверился в том, в чем я был уверен, что сам он и его жена уехали в Лондон и заперли дом. Верный своему обещанию, я снова вернулся в дом за сундуком моей прислуги, вытащил его и прикрепил рядом с нею на задок повозки. Схватив вожжи, я вскочил на сиденье, рядом со своей женой, и в следующую минуту мы уже были вне круга огня и грохота и мчались по противоположному склону холма к Старому Уокингу.

Перед нами расстился мирный залитый солнцем ландшафт. По обе стороны дороги тянулось пшеничное поле, и можно было уже рассмотреть висячую вывеску гостиницы в Мейбюри. Перед нами ехал экипаж доктора. У подножья я оглянулся. Густые клубы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, подымались в неподвижном воздухе, отбрасывая черную тень на зеленые верхушки деревьев на востоке, Дым расходился в двух направлениях: к до самого Байфлитского леса, и к западу, до Уокинга. Дорога была усеяна людьми, бежавшими по одному направлению с нами. И теперь в тихом, жарком воздухе раздавались слышно,

но очень ясно, треск пулеметов и выстрелы винтовок. Очевидно, марсиане зажигали все, что находилось в пределах действия их теплового луча.

Я был неопытным кучером, и поэтому мне пришлось обратить все свое внимание на лошадь. Когда я обернулся, то уже не видел черного дыма, который скрылся за вторым холмом. Я стегнул лошадь, заставив ее бежать рысью, пока мы не оставили далеко за собой тот ужасный кошмар, от которого бежали. Доктора я обогнал между Уокингем и Сендом.

Х В грозу

Лизсерхед находится на расстоянии двенадцати миль от Мейбургских холмов. Запах свежего сена носился над сочными лугами за Пирфордом, а изгороди по бокам дороги пестрели яркими цветами диких роз. Резкий грохот орудий, который мы слышали, спускаясь с Мейбургских холмов, прекратился так же внезапно, как начался, и ничто не нарушало мирной тишины вечера. Часам к девяти мы добрались до Лизсерхеда без всяких приключений. Надо было дать отдохнуть лошади, и я воспользовался этим, чтобы поужинать с нашими родственниками и поручить мою жену их заботам.

Всю дорогу моя жена была странно молчалива и теперь еще, видимо, продолжала находиться под гнетом злых предчувствий. Я пытался успокоить ее, доказывал ей, что марсиане прикованы к яме, благодаря своей неповоротливости, и только в лучшем случае они смогут слегка выползти из нее. Но она давала только односложные ответы. Не будь я связан словом, которое я дал хозяину трактира, она, наверно, уговорила бы меня остаться на эту ночь в Лизсерхеде. Если бы и сделал это тогда! Я помню, как она была бледна, прощаясь со мной.

Я же, напротив, был сильно возбужден весь этот день. В моей крови горела лихорадка войны, которая иногда овладевает цивилизованными обществами, и я не был особенно огорчен перспективой возвращаться ночью в Мейбург. Я даже опасался, что тот последний пушечный выстрел, который мы слышали, мог означать уничтожение пришельцев с Марса. Лучшее всего я выражу мое душевное состояние, если скажу, что меня непреодолимо тянуло туда, на поле битвы, чтобы присутствовать при их гибели.

Было уже почти одиннадцать часов, когда я пустился в обратный путь. Ночь была очень темная. Когда я вышел из ярко освещенного дома моих родственников, ночь показалась совершенно черной. И было так же жарко и душно, как днем. По небу носились облака, но внизу не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Слуга наших родственников зажег оба фонаря у шарабана. К счастью, дорога была мне хорошо известна. Моя жена стояла в освещенных дверях подъезда и смотрела на меня, пока я садился в шарабан. Тогда она вдруг повернулась и ушла, предоставив своим родственникам пожелать мне счастливого пути.

Беспокойство моей жены передалось и мне, и вначале я был в подавленном настроении, но вскоре мои мысли опять вернулись к марсианам. Я был тогда в полной неизвестности относительно исхода вечернего боя и не знал даже, что послужило поводом к столкновению. Проезжая Окгэм (ибо я возвращался другой дорогой, минуя Сенд и Старый Уокинг), я увидел на западе, на самом краю горизонта, кроваво-красную полосу, которая, по мере моего приближения, медленно ползла по небу. Быстро несущиеся облака надвигавшейся грозы сливались с клубами черного и красного дыма.

Рипли-стрит опустел, и, кроме нескольких освещенных окон, ничто не указывало на признаки жизни в селе. Однако, на повороте в Пирфорд я чуть не наехал на кучку людей, стоявших спиной ко мне. Никто из них не окликнул меня, и я не знал, насколько они были осведомлены о событиях, происходивших по ту сторону холма. Я знал также и того, что означало это безмолвие домов. Погружены ли были эти дома, мимо которых я проезжал, в мирный сон, или же они были брошены своими обитателями, оставлены на произвол ужасов ночи?..

От Рипли до Пирфорда дорога шла по долине Уэя, и красное зарево скрылось от меня. Когда я поднялся на маленький холм по ту сторону, за Пирфордскую церковь я снова увидел его, и в ту же минуту вокруг меня зашумели деревья от первого натиска собиравшейся грозы. Часы на Пирфордской колокольне пробили полночь. Передо мной выступил силуэт Мейбургского холма с верхушками деревьев и крышами, резко черневшими на багровом небе.

Вдруг вся дорога передо мною озарилась бледно-зеленым светом и осветила далекий лес около Эдльстона. Я почувствовал, как дернула лошадь, и крепче схватился за вожжи. В этот самый момент мчащиеся по небу тучи прорезало что-то вроде огненной стрелы, светившейся зеленоватым светом, и упало в поле, налево от меня. То была третья падающая звезда.

Вслед за тем сверкнула первая молния налетевшей грозы, казавшаяся по контрасту ярко-лиловой, за которой последовал удар грома. Лошадь закусила удила и понесла.

К подножью Мейбургского холма ведет отлогая дорога, по которой мы мчались теперь. Гроза разыгралась, и молния сверкала за молнией. Удары грома следовали один за другим с каким-то странным шумом, походившим скорее на работу гигантской электрической машины, чем на раскаты грома. Блеск молнии слепил мне глаза, а в лицо хлестало мелким градом, когда я несся по спуску.

Некоторое время я смотрел только на дорогу, но вдруг мое внимание было привлечено странным предметом, быстро двигавшимся по противоположному склону Мейбургского холма. В первый момент я принял его за крышу дома, но при свете чередующихся молний я увидел, что он движется вращательным движением. Это было ускользящее явление, которое то появлялось при ярком блеске вспыхивающих молний, то снова пропадало в наступавшей темноте. Но вот казались красные стены приюта, на гребне холма зеленые вершины сосен, и, наконец, этот загадочный предмет выступил ясно и отчетливо передо мной.

Как мне описать его? Треножник чудовищного размера, выше, чем многие дома, двигался по молодому сосняку, разбрасывая деревья во все стороны. Ходящая машина из сверкающего металла, со свешивающимися по сторонам стальными коленчатыми канатами. Блеск молнии ясно осветил этот странный предмет, то исчезающий, то снова появляющийся и приближившийся уже на сотню ярдов.

Неожиданно вдруг раздвинулись деревья передо мной, сломанные стволы полетели в разные стороны, и появился второй гигантский треножник, катившийся, как мне казалось, прямо на меня. При виде этого второго чудовища нервы мои не выдержали, я круто повернул коня направо, и через минуту шарабан перевернулся и накрыл упавшую лошадь, а меня отбросило в сторону, и я тяжело шлепнулся в лужу.

Но я тотчас же выполз на более сухое место, хотя ноги мои оставались в воде, и присел, скорчившись, за кустом дрока. Лошадь лежала неподвижно (она убила на-смерть), и при свете молнии я увидел черную массу опрокинутого экипажа и колесо, которое все еще продолжало тихонько вертеться. В следующую же минуту гигантская машина прошла мимо меня и стала подыматься в гору, по направлению к Пирфорду.

Вблизи она казалась еще более удивительной. Это была простая, бесчувственная машина. При движении она издавала звенящий, металлический звук, а по бокам у нее извивались гибкие металлические щупальцы (я видел, как одним из них она схватила сосну). Эта машина сама себе прокладывала дорогу, а покрывавший ее медный колпак двигался в разные стороны и производил впечатление головы. В задней части главного корпуса машины находился какой-то чудовищный предмет из белого металла, который походил огромную корзину. Клубы зеленого дыма вырывались из ее сочленений, когда он проходил мимо меня. Через минуту уже исчез.

Вот что я видел при неверном блеске молний, слепивших мне глаза!..

Проходя мимо меня, гигант издал торжествующий, оглушительный вой, покрывший громовый раскаты: «Алоо! алоо!» Секунду спустя он соединился с другим таким же гигантом. Пройдя полмили, они оба остановились среди поля, наклонившись над каким-то предметом. Я уверен теперь, что предмет этот был третий из десяти цилиндров, отправленных к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем и наблюдал при вспышках молнии за движениями металлических гигантов. Пошел град, за пеленой которого лишь смутно выделялись их очертания, выступавшие еще ярче, когда сверкала молния.

Я промок насквозь, так как ноги мои все еще были в воде, а сверху меня поливало дождем, смешанным с градом. Прошло некоторое время, прежде чем я пришел в себя от своего оцепенения настолько, чтобы сделать попытку выбраться на сухое место и подумать об опасности, которая мне угрожала.

Осмотревшись кругом, я увидел неподалеку от меня среди картофельного поля, маленькую деревянную хижину лесника. Поднявшись с усилием на ноги, согнувшись и прячась за кустами, я пустился бегом к этой хижине и стал колотить в дверь, но мне никто не открыл. Очевидно, там никого не было. Тогда я, пользуясь канавой, как прикрытием, стал пробираться ползком, чтобы не быть замеченным врагом, – к Мейбургскому лесу.

Под прикрытием деревьев, промокший и продрогший, я решил направиться к своему дому. Я шел наугад среди деревьев, отыскивая тропинку. В лесу было совершенно темно, молния сверкала все реже, и в просветы между деревьями лил дождь вместе с градом.

Если бы в то время я отдавал себе отчет в значении всех тех явлений, свидетелем которых я был, то, не теряя ни минуты времени, я повернул бы назад, и окольной дорогой, через Байфлит и Стрит-Кобгэм, вернулся бы к своей жене в Лизсерхед. Но в ту ночь странность моих переживаний и мое жалкое физическое состояние лишили меня способности соображения.

У меня было только одно сильное желание – добраться до своего дома. Я шел, натываясь на деревья, упал в лужу, расшиб себе колени о доску и выбрался, наконец, на дорогу к колледжу. В темноте я столкнулся с каким-то человеком, который чуть не сшиб меня с ног.

С криком испуга он отскочил от меня в сторону и, как сумасшедший, побежал дальше, не дав мне времени окликнуть его. Как раз в этом месте напор ветра был настолько силен, что мне стоило величайших усилий одолеть подъем. Я шел, цепляясь руками за решетку ограды колледжа с левой стороны, и таким образом кое-как выбрался наверх.

Около вершины холма я споткнулся обо что-то мягкое и при блеске молнии увидел у своих ног кучу черного платья и пару сапог. Прежде чем я успел разглядеть, в каком состоянии находится лежащий тут человек, все снова погрузилось в темноту. Я остался стоять около него, ожидая следующей молнии. Она сверкнула опять, и я увидел, что это был человек крепкого сложения, просто, но хорошо одетый. Он лежал скорчившись и подогнув голову вплотную около ограды, как будто его с силой отшвырнули туда.

Превозмогая чувство отвращения, присущее всякому, кто никогда не прикасался к трупу, я нагнулся; повернул его на спину и ощупал его сердце. Он был мертв. Повидимому, у него был сломан шейный позвонок. В третий раз сверкнула молния и осветила лицо лежащего. Я подскочил от неожиданности. Передо мной лежал хозяин трактира «Пятнистая Собака», у которого я нанял повозку!..

Я осторожно перешагнул через труп и отправился дальше. Миновав колледж и полицейский участок, я подошел к своему дому. На вершине холма все было спокойно, но в поля пылало зарево, и густые клубы красно-желтого боролись с ливнем. Насколько я мог рассмотреть при уже вспышках молнии, большинство домов оставалось неповрежденными. На улице перед колледжем лежала какая-то темная груда.

Около Мейбургского моста раздавались голоса и шаги, но у меня не хватило духа пойти туда. Добравшись до своего дома, я отворил дверь бывшим при мне ключом, заперся, задвинув засов у ворот, и, нащупав в темноте лестницу, уселся на ступеньку. Мое воображение было полно шагающими по полю страшными гигантами и скорченными мертвыми телом, отброшенным к оgrade.

Сидя у подножья лестницы, я прижался спиной к стене, скорчившись и дрожа, как в лихорадке.

XI У окна

Я уже говорил, что, несмотря на сильные душевные переживания, я обладал свойством быстро успокаиваться. Через некоторое время я почувствовал, что озяб, и заметил, что на покрывавший лестницу ковер натекли с меня целые лужи воды. Почти машинально я встал на ноги и пошел в столовую, чтобы выпить виски. Только тогда я почувствовал необходимость переменить платье.

Переодевшись, я поднялся к себе в кабинет, но для чего я это сделал, не знаю. Из окна моего кабинета, которое мы забыли закрыть впопыхах отъезда, были видны деревья и полотно железной дороги, вплоть до Горселльского поля.

Я остановился в дверях комнаты.

Гроза стихла. Башни Восточного колледжа и окружавшие его деревья исчезли. Вдали виднелось поле вокруг песочных ям, освещенное красным заревом. И в этом ярком освещении хлопотливо сновали взад и вперед гигантские черные тени, смешные и странные.

Казалось, что вся местность в этом направлении была в огне. По всему широкому склону перебежали огненные языки, извиваясь под порывами затихающей бури и озаряя красным отблеском несущиеся по небу тучи. Временами окно застилалось облаком дыма и скрывало от меня тени марсиан. Я не мог видеть, что они делали, и не мог даже ясно различить их фигур; не мог также понять, что это был за предмет, которым они так деятельно занимались. Мне не видно было пламени ближайшего пожара, хотя отражение его играло на стене и на потолке моего кабинета, и в воздухе несся от него резкий смолистый запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.